

Трансформация политических предпочтений россиян: социально-политический анализ

Салин Павел Борисович

Канд. юрид. наук, директор Центра политологических исследований Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: salpavbor@mail.ru

Вступление России в большой электоральный цикл 2016-2018 гг. актуализировало вопрос о политических предпочтениях россиян вообще и их региональной стратификации в частности. Проводимые в последнее время социологические замеры позволяют утверждать, что многие представления об электоральных предпочтениях макрорегионов (обеих столиц, городов-миллионников и их агломераций, региональных столиц, малых городов, сельской местности и т.д.), сложившиеся на основе социологических данных и электоральной статистики 1990-х и 2000-х гг., сегодня претерпевают серьезные изменения. Понятия и стереотипы, характерные для тех времен, уходят в прошлое, в то время как многие исследователи в области гуманитарных наук по-прежнему к ним апеллируют.

В настоящее время в России происходит смена эпох – на смену постсоветской, которая растянулась на 25 лет и объединяет в себе, казалось бы, прямо противоположные ельцинскую и путинскую (или «путинскую-1»), приходит новая, которая еще не получила название. В то же время ей присущи свои фундаментальные характеристики, в том числе и в области политических предпочтений граждан. Цель данной статьи – дать краткую характеристику происходящим изменениям в области политических предпочтений граждан с примерной разбивкой их по территориально-географическим макрорегионам.

Исследование показало, что политические предпочтения россиян уже не соответствуют шаблонам, сложившимся в течение двух предыдущих десятилетий, а также отличаются внутренней противоречивостью. С одной стороны, все более четко оформляется запрос на улучшение качества жизни и управления, на борьбу с коррупцией и другими негативными явлениями. С другой – налицо неверие в собственную способность что-либо изменить. Отсюда появляется и все более четко артикулируется запрос на жесткую руку на фоне латентного недовольства существующим положением вещей. При этом условно авторитарный запрос больше характерен для жителей Москвы и Санкт-Петербурга, а не провинции, что ломает сложившиеся стереотипы.

На основе этих данных можно сделать вывод, что трансформация социально-политического запроса россиян и реакция власти на него может пойти по пути ряда латиноамериканских стран конца прошлого века. С одной стороны, запрос на справедливость и изменения будет удовлетворяться за счет левопопулистской риторики и «порки» представителей высшего класса (в России это может принять форму борьбы с олигархами и частичного пересмотра итогов приватизации). С другой, все это будет происходить на фоне жесткой внешнеполитической риторики, что будет находить понимание у внешних партнеров, так как эта риторика будет для внутреннего потребления и не будет конвертироваться в экспансионистский внешнеполитический курс за неимением ресурсов для его реализации.

Ключевые слова: электоральные предпочтения, выборы, социально-политический запрос, качество жизни.

The Russian Experience of Mobilization: Political Analysis

Pavel B. Salin

Ph.D. in Law Studies, Director, Center of Political Studies, Financial University under the Government of the Russian Federation
E-mail: salpavbor@mail.ru

Russia's entry into the large electoral cycle 2016-2018 is actualized the question about political preferences of Russians in General and their regional stratification, in particular. The recent sociological surveys allow us to claim that many ideas about the electoral

preferences of macro-regions (both capitals, multi-million-strong city and their agglomerations, regional capitals, small towns, rural areas, etc.), formed on the basis of sociological data and electoral statistics of the 1990s and 2000s, are now undergoing major changes. Concepts and stereotypes, typical of those times are fading into the past, while many researchers in the field of Humanities continue to appeal to them.

Currently in Russia there is a change of epochs – to replace post-Soviet, which lasted for 25 years and combines the seemingly opposite of Yeltsin and Putin, or «Putin-1»), comes a new, which has not yet received the trade name. The same time, inherent in their fundamental characteristics, including in the field of political preferences of citizens. The purpose of this article is to give a brief description of the changes taking place in the field of political preferences of citizens with the approximate breakdown of territorial-geographical macro-regions.

The study showed that the political preferences of Russians do not conform to the patterns established over the previous two decades, and also have internal contradictions. On the one hand, everything is more explicit request for improvement of quality of life and governance, to fight corruption and other negative phenomena. On the other – there is a lack of faith in own ability to change anything. Hence appears more clearly articulated request for hard hand on the background of the latent discontent with the status quo. While conventionally authoritarian inquiry more characteristic of the inhabitants of Moscow and St. Petersburg, and not the province that breaks the stereotypes.

Based on these data we can conclude that the transformation of the socio-political demand of the Russians and the reaction of the authorities it may go the way of several Latin American countries in the last century. On the one hand, demand for justice and change will be met by lipopolysaccha rhetoric and «whipping» members of the upper class (in Russia it may take the form of a struggle against the oligarchs and partial revision of privatization). On the other, it will all happen on the background of tough foreign policy rhetoric that it will find understanding from an external partner, as this rhetoric is for domestic consumption and not be converted to an expansionist foreign policy for lack of resources to implement it.

Keywords: electoral preferences, elections, socio-political inquiry, quality of life.

Думские выборы 2016 г. являются лишь генеральной репетицией президентской кампании 2018 г., поэтому накопленные в их ходе данные будут иметь важное значение для выстраивания стратегии всех политических акторов, а не только реального и, скорее всего, predetermined победителя президентской кампании.

1. Уровень доходов и политическая ориентация

Одним из распространенных клише является идея о том, что уровень доходов населения напрямую коррелирует с его политическими предпочтениями. Например, чем выше доходы населения, тем более либерально оно настроено, и чем ниже – тем более склонно поддерживать авторитарные тенденции (в либеральном дискурсе – действующую власть).

Такой подход в принципе оправдывал себя в 1990-е гг. и в первой половине «нулевых», когда среди подавляющего большинства населения доминировали установки и ценности выживания. Согласно опросу Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), проведенному в 2002 г., приоритеты населения были сосредоточены на доходах и текущем потреблении, включая зарплаты и социальные выплаты. Эти проблемы отметили 33% респондентов, а проблемы социальных услуг, включая здравоохранение и образование – в 7 раз меньше респондентов. Проблемы жилья и коммунальных услуг указали лишь 2% респондентов. Такое распределение приоритетов было характерно не только для России

в целом, но и для Москвы, экономическое положение которой было намного более благополучно [1].

Однако за «тучные нулевые» заметно изменился уровень благосостояния граждан, что дало стимул для перехода качественных изменений в количественные. Так, за 10 лет соотношение доходов в России и странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по паритету покупательной способности выросло почти в два раза. При этом к 2010 г. доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в сопоставимом выражении сократилась примерно в 2,5 раза, а доля лиц, живущих менее чем на 2,15 долл. США в день по паритету покупательной способности – более чем в 100 раз (до 0,05%). К этому добавилось и быстрое сближение стандартов потребления между бедными и небедными домохозяйствами. Разрыв по калорийности рациона питания сократился с 1,8 до 1,3 раза, а по потреблению белков – с 1,9 до 1,4 раза. Аналогично происходило сближение по основным группам продуктов питания.

Еще более впечатляющий характер носило сближение по товарам длительного пользования. С 2005 по 2010 г. разрыв в количестве автомашин на 100 домохозяйств между 1-2 и 5-9 доходными децилями сократился с 2,5 до 1,6 раза, а в количестве персональных компьютеров – с 3,3 до 1,4 раза. По другим предметам длительного пользования (телевизорам, холодильникам, стиральным машинам) разрыв практически исчез. Он оказался небольшим даже по

относительно дорогим и современным моделям (плазменные телевизоры). По холодильникам «No frost» он составил всего 1,3 раза, а по числу мобильных телефонов на 100 домохозяйств бедные семьи, относящиеся к 1-2 децилям, почти на 10% превосходили обеспеченные семьи 5-9 децилей. Это сближение подпитывалось возросшей доступностью потребительского кредита. В 2011 г. 20% бедных домохозяйств и 30% небедных имели непогашенную кредитную задолженность [2].

2. Запрос на улучшение качества жизни

Рост уровня благосостояния населения привел к фундаментальным сдвигам к началу 2010-х гг., когда на первый план в части уровня жизни выходил уже не уровень доходов, а качество жизни. Следует отметить, что этот процесс был не уникален для России. Философия качества жизни в последние 10-20 лет выходит на первый план во многих странах, как западных (Великобритания, Финляндия), так и восточных (Южная Корея, Китай). Некоторые исследователи при определении понятия «качество жизни» большое внимание ориентируют на экономическую сторону, материальную обеспеченность жизни населения. Имеет место и противоположная точка зрения, в соответствии с которой качество жизни является максимально интегрированным социальным показателем.

Качество жизни населения — это степень удовлетворения материальных, духовных и социальных потребностей населения. Человек сам желает улучшения качества жизни — получает образование, трудится на работе, стремится к продвижению по карьерной лестнице, прилагает все усилия на то, чтобы добиться признания в обществе. Другими словами, уровень качества жизни населения определяется не словом **сколько**, а **как** [3].

Скорее всего, именно это и обусловило сдвиг массового сознания, который стал социальной базой для протестов в Москве и ряде других крупных городов в 2011–2012 гг. Согласно исследованиям, именно тогда, в преддверии кризиса 2008 г., в сознании жителей городов наметился качественный сдвиг в приоритетах. Раньше всего они обозначились в растущей прослойке городского среднего класса, доля которого накануне экономического кризиса 2008 г. составила примерно 1/3 взрослого населения России и более половины населения крупных городов. Исследования Натальи Тихоновой показали, что для среднего класса уже тогда были характерны более модернизированные установки, чем для других массовых групп. Эти установки включали ориен-

тацию на самореализацию, свободу и достижения, признание ценности плюрализма интересов индивидов, понимание демократии как формы обеспечения плюрализма интересов, внутренний локус контроля (стремление личности приписывать успехи и неудачи своим внутренним особенностям, а не внешним факторам, что говорит о большей готовности полагаться на собственные силы), развитие индивидуализма и нонконформизма, приоритетность прав человека. Вырос запрос на правовое государство, ослабло патерналистское отношение к государству, усилилась проевропейская ориентация [4]. По утверждению М. Дмитриева, не исключено, что влияние вторичных факторов, таких, как официальная пропаганда через центральные телеканалы, было не менее значимым, чем влияние фундаментальных социально-экономических изменений. В период президентства Д.А. Медведева официальная идеология уделяла повышенное внимание вопросам модернизации, развитию жилья, образования, здравоохранения и реформе правоохранительной системы. Большинство этих тем получили отражение в приоритетных национальных проектах. Таким образом, официальная идеология и пропаганда, смешавшая акценты с ценностей выживания в сторону человеческого развития, могла вступить в своеобразный резонанс с объективными социально-экономическими изменениями.

Однако течение экономического кризиса и политика власти в изменившихся условиях привели к тому, что процесс трансформации политического запроса населения, до этого проходивший в унисон в двух столицах и городах с прослойкой среднего класса, пошел в противоположных направлениях. Согласно опросам Центра стратегических разработок, в 2013 г. при выборе желаемого политического строя москвичи чаще, чем жители России, предпочитали жить при единоличной форме правления и даже при олигархии (в сумме эти позиции выбрали 29% респондентов в Москве и только 9% в целом по России). Политический строй, не являющийся свободной демократией, выбирали 46% москвичей и лишь 32% жителей России в целом. Свободную демократию в Москве предпочитала меньшая доля опрошенных, чем в России (36% против 44%). Максимальным спрос на свободную демократию оказался в Санкт-Петербурге (69%) и в других городах-миллионниках (59%). Даже в малых городах и на селе, где современный средний класс составляет незначительную долю населения, спрос на свободную демократию достиг 38–39%, то есть превысил столичный уровень [5].

Присоединение Крыма и связанный с этим подъем патриотизма несколько купировал происходящие в обществе процессы, однако смог лишь заморозить их, а не повернуть вспять. В 2016 г. наблюдается эрозия «посткрымской эйфории», что реанимирует наблюдавшиеся до 2014 г. тенденции. На это вынуждена реагировать власть, не зря большая часть «прямой линии» Владимира Путина в апреле 2016 г. была посвящена именно внутренним проблемам, а не образу внешнего врага и внешнеполитическим победам – сдвиг приоритетов населения в этом направлении стали устойчиво демонстрировать не публиковавшиеся данные фокус-групп.

3. Противоречивые тенденции

Последние исследования демонстрируют противоречивые тенденции в политических предпочтениях россиян. Политические ориентации напрямую влияют на политическую идентификацию людей, определяют их принадлежность или поддержку политических сил. Сегодня в политических ориентациях россиян наблюдается некий парадокс, в соответствии с которым они, с одной стороны, «дорожат обретенными демократическими свободами и правами – свободой слова, передвижения, владения собственностью, неприкосновенностью частной жизни и даже свободой избирать власть», с другой – довольно скептически относятся к институтам, призванным претворять демократию в жизнь. Более того, в политических ориентациях россиян в последнее время активно прослеживается запрос на «сильное государство» и «твердую руку в управлении» [6].

В то же время анализ данных показывает – при том, что основная часть населения хочет позитивных изменений в обществе, повышения стабильности, социальной защищенности и т.д., – что очень немногие готовы к личному политическому участию, да и участие в гражданских социальных инициативах охватывает довольно малую часть. При этом основным фактором, демотивирующим гражданскую позицию человека в современном российском обществе, является уверенность, что его личное участие ничего не изменит. К тому же низкий уровень информированности о деятельности общественных объединений, закрытость и непрозрачность их деятельности существенно снижают интерес к общественно-политической активности. Исходя из полученных данных, складывается мнение, что значительная часть российского общества аполитична, склонна поддерживать сильную власть, и малоактивна в политической и социальной деятельности. Отчасти так и есть, но только отчасти. Наблюдение за соци-

альными движениями, происходящими в российском обществе, показывает, что социальная активность россиян сместилась в сторону вопросов «близкой дистанции». В качестве ярких примеров такой активности можно привести движения «обманутых дольщиков», движение против уплотнительной застройки и сохранения зеленых зон, активность жителей в сфере ЖКХ (в том числе активность, которую проявляют жители, занимаясь самоуправлением домовым хозяйством, благоустройством территории, капремонтом). И все эти малые частные инициативы, в которых население, казалось бы, заботится только о своем частном благе, очень часто перетекают в заботу об общественном благе. Например, защита своего конкретного парка от вырубания часто перетекает в борьбу за право граждан контролировать градостроительную политику города, а борьба отдельных конкретных личностей за свои права – в необходимость правовой защиты и поддержки всего населения. Эти положения соотносятся с тем, что пишет С.Н. Патрушев об участии в гражданских и негражданских действиях наглядно демонстрируют, как одно действие может перерасти в другое, в том числе политическое [7].

Согласно тезисам исследователя И.В. Воробьевой, в последнее время в политических ориентациях россиян наблюдаются противоречивые тенденции. Население России демонстрирует низкий интерес к политике в целом, а также неясность и неопределенность политических воззрений на фоне критичности к происходящим политическим процессам. В российском обществе присутствует массовая поддержка власти со стороны населения при невысоком уровне доверия к конкретным государственным институтам и ощущении, что власть не поддерживает и не защищает обычных людей. Желание демократических прав и свобод сосуществует параллельно со стремлением к сильной власти, твердой руке и патерналистскими установками. Стремление жить в «сильном государстве», желание политических прав и свобод существуют параллельно с личным отчуждением от реального политического участия [8].

Выводы

Как видно из представленных выше тезисов, политические предпочтения россиян уже не соответствуют шаблонам, сложившимся в течение двух предыдущих десятилетий, а также отличаются внутренней противоречивостью. С одной стороны, все более четко оформляется запрос на улучшение качества жизни и управления, на борьбу с коррупцией

и другими негативными явлениями. С другой — налицо неверие в собственную способность что-либо изменить. Отсюда появляется и все более четко артикулируется запрос на жесткую руку на фоне латентного недовольства существующим положением вещей. При этом условно авторитарный запрос больше характерен для жителей Москвы и Санкт-Петербурга, а не провинции, что ломает сложившиеся стереотипы.

На основе этих данных можно сделать вывод, что трансформация социально-политического запроса россиян и реакция власти на него может пойти по пути ряда латиноамериканских стран конца

прошлого века. С одной стороны, запрос на справедливость и изменения будет удовлетворяться за счет левопопулистской риторики и «порки» представителей высшего класса (в России это может принять форму борьбы с олигархами и частичного пересмотра итогов приватизации). С другой, все это будет происходить на фоне жесткой внешнеполитической риторики, что будет находить понимание у внешних партнеров, так как эта риторика будет для внутреннего потребления и не будет конвертироваться в экспансионистский внешнеполитический курс за неимением ресурсов для его реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриев М.Э., Мисихина С.Г. Изменения в уровне доходов, потребления, бедности и в социальных запросах российского населения в 2000–2012 годах [Текст] // *Уровень жизни населения регионов России*. — 2013. — № 12. — С. 11–27.
2. Mikhail Dmitriev. Evolution of Values and Political Sentiment in Moscow and the Provinces [Text] // *Putin's Russia: How it rose, how it is maintained, and how it might end*. Washington. 2015. P. 76.
3. Кондратович И.В. Элитология [Текст]. — М., 2009. — С. 25.
4. Тихонова Н. Средний класс: теория и реальность [Текст]. — М., 2009. — С. 56.
5. Белановский С.А., Дмитриев М.Э., Мисихина С.Г., Никольская А.В. Политические настроения россиян в начале нового электорального цикла (2012–2013 гг.) [Текст]. — М.: Центр стратегических разработок, 2013. — С. 15.
6. Петухов В.В. Гражданская активность как альтернатива антидемократическому тренду российской политики [Текст] // *Политические исследования*. — 2013. — № 5. — С. 1–18.
7. Кертман Г.Л., Патрушев С.В. Доверие: общее и частное // *Гражданское и политическое в российских общественных практиках* [Текст] / Под ред. С.В. Патрушева. — М.: РОССПЭН, 2013. — С. 31–39.
8. Воробьева И.В. Противоречия и парадоксы политических ориентаций в структуре жизненного мира россиян [Текст] // *Социс*. — 2016. — №1. — С. 25.

REFERENCES

1. Dmitriev M.E., Misihina S.G. Izmeneniya v urovne dohodov, potrebleniya, bednosti i v socialnih zaprosah rossiiskogo nasele-niya v 2000–2012 godah [Changes in the level of income, consumption, poverty and social needs of the Russian population in 2000–2012 years]. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii* [The standard of living of the population of regions of Russia]. 2013, I. 12, P. 11–27.
2. Mikhail Dmitriev. Evolution of Values and Political Sentiment in Moscow and the Provinces. *Putin's Russia: How it rose, how it is maintained, and how it might end*. Washington. 2015. P. 76.
3. Kondratovich I.V. *Elitologiya* [Elitologii]. Moscow, 2009, p. 25.
4. Tihonova N. *Srednij klass: teoriya i real'nost'* [Middle class: Theory and Reality]. Moscow, 2009, p. 56.
5. Belanovskij S.A., Dmitriev M.E., Misihina S.G., Nikol'skaya A.V. *Politicheskie nastroyeniya rossiyan v nachale novogo elek-toral'nogo cikla (2012–2013 gg.)*. [The political mood of Russians at the beginning of a new electoral cycle (2012–2013)]. Mos-cow, Centr strategicheskikh razrabotok Publ., 2013, p. 15.
6. Petuhov V.V. Grazhdanskaya aktivnost' kak al'ternativa antidemokraticeskomu trendu rossiiskoi politiki [Civic Engagement as an alternative to the antidemocratic trend of Russian policy]. *Politicheskie issledovaniya* [Political Reaserches]. 2013, I. 5, pp. 1–18.
7. Kertman G.L., Patrushev S.V. Doverie: Obschee i chastnoye [Trust: the general and private]. *Grazhdanskoye i politicheskoye v rossiiskih obschestvennih praktikah* [Civil and political practices in the Russian public]. Moscow, 2013, pp. 31–39.
8. Vorobyeva I.V. Protivorechiya i paradoksi politicheskikh orientacii v structure zhiznennogo mira rossiyan [The contradictions and paradoxes of political orientations in the structure of Russian life of the world]. *Socis*. 2016, I. 1, p. 25.